

ИДЕЯ РОССИИ КАК САМОБЫТНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА И ПОСТСОВЕТСКОГО НЕОЕВРАЗИЙСТВА

Аннотация

В статье рассматриваются основы идеи России как самобытной цивилизации в работах некоторых представителей классического евразийства 1920–1930-х годов и постсоветского неоевразийства 1990–2000-х годов и их практической и юридической реализации сегодня. Автор приходит к выводу, что идеологи классического евразийства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий) разрабатывали модель идеократической евразийской империи, являющейся культурно-экономическим связующим элементом между Западом и Востоком. Некоторые представители неоевразийства (А.Г. Дугин, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский) переосмыслили постулаты классического евразийства в новых условиях постсоветского строительства России. На практико-политическом уровне ряд «евразийских» положений мы можем встретить в базовых внешнеполитических документах РФ: противостояние Западу и его «вестернизированной» ценностной парадигме, сохранение духовно-нравственных ценностей национальной культуры, сближение с интеграционными объединениями (Евр)Азии для взаимовыгодной кооперации и сотрудничества.

Ключевые слова: классическое евразийство, Россия, месторазвитие, идеократия, неоевразийство, ЕАЭС.

Автор

Илья Михайлович Щербаков

Студент магистратуры факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
координатор Экспертного совета молодых политологов
журнала «Русская политология — Russian Political Science»
(Москва, Россия)

Классическое евразийство 1920–1930-х годов

Обычно зарождение идей, которые стали фундаментом для становления классического евразийства, относят ко времени возникновения кружка славянофилов и панславистского течения. При этом нельзя сказать точно о предшественниках данного течения. Евразийство, начавшее свое оформление в эмигрантской среде в 1920–1930-х годах, «было одним из самых оригинальных течений русской эмиграции, потому что в противовес славянофильским и панславистским течениям XIX столетия речь идет не о

консервативном или консервативно-либеральном, а о революционном движении» [10]. В 1920–1930-е годы евразийство развивалось, во-первых, представителями либеральной отечественной мысли, выступавшими за примат индивидуальных (персоналистских) политических прав, которые руководство России не гарантировало в полной мере [2]. Во-вторых, евразийцы также находились в оппозиции к представителям консервативного течения политической мысли в среде русской эмиграции (И.А. Ильин [7]), которые защищали идеи возвращения обновленной Российской империи для объединения государственной власти

с «отколовшимися» нациями-государствами: Финляндией, Прибалтийскими странами, Польшей, Молдавией, Украиной.

В отечественном общественно-политическом дискурсе начала XX века существовали разные оценки классического евразийства. Н.А. Бердяев не принимал радикального антизападничества евразийцев, так как оно было «превратно и ложно, и подобное отношение заслуживает наименования азиатства, а не евразийства» [1]. Политический деятель и историк П.Н. Милюков в противовес евразийцам замечал, что наша страна «скорее Азиопа» [13], чем Евразия. Переходя к социально-историческому контексту возникновения евразийства, мы должны обратиться к мнению профессора философского факультета МГУ и специалиста по истории русской философии М.А. Маслина. Он заявляет, что евразийство как философское течение «возникло в русском послеоктябрьском зарубежье как идейное течение, отразившее реакцию отечественного сознания на крупнейшие сдвиги в мировой истории, происшедшие в начале XX столетия» [11]. Одним из таких сдвигов являлась Первая мировая война, ставшая катализатором системных изменений в международных отношениях 1910–1920-х гг. Сдвиги в плоскости практической политики мы можем увидеть на примере распада империй «старой формации»: Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской. Сдвигом в сфере политической философии стало разочарование в прогрессистском, линейном подходе к анализу окружающих процессов, заложенном еще в эпоху Просвещения XVII–XVIII вв.

Для наиболее полного понимания сути евразийской политической мысли стоит обратиться к таким важным идеям течения, как «особый («срединный») мир» и диалог культур. П.Н. Савицкий пишет, что «Россия-Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр —

и все остальные его части <...> превращаются как бы в “рассыпанную храмину”. Этот мир есть то звено, которое спаивает в единство их все» [19]. Одним из факторов, формирующих эту «особость», является территория. Если мы сравним размеры Европейского континента и России (СССР на момент 1920–1930-х годов), то площадь России в четыре раза превышала пространство Старого Света. Таким образом, динамику геополитического развития нашей страны нельзя рассматривать в отрыве от обширности Российского государства. Вторым фактором является исторически обусловленная объединительная роль России-Евразии, которую она приобрела после нашествия монгольских кочевников в XIII–XV веках. Их международно-политическое преобладание на Евразийском континенте предопределило получение ими статуса «межэтнических посредников» между исторически разрозненными культурными частями, в том числе и с Россией. «Силой не устранимых фактов русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света. Только в той мере, в какой Россия-Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур, снимается противоположение между Востоком и Западом» [19]. При сложении вышеперечисленных факторов авторы евразийства приводят географические и геополитические доказательства того, что Россия является самобытной цивилизацией.

Составным компонентом представлений классических евразийцев является пара концептов: месторазвитие и идеократия. Согласно евразийцам, «месторазвитие» — это совокупность общежитий широкого порядка, строящихся на основе «генетических вековечных связей» между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, чело-

веком, его бытом и даже духовным миром — с другой» [20]. Евразийское месторазвитие должно выглядеть как «географический индивидуум», в котором локальные месторазвития гармонично объединяются в более крупные образования. В евразийской традиции данная категория тесно связана с «особым миром». Этот концепт, по сути, является «визитной карточкой» классического евразийства. Идеократия была идеей-правительницей, которая выражается в служении благу своего месторазвития и подавлении каких-либо националистических и классовых целей и, соответственно, реализации «соборного мышления» [23]. Идеократический компонент является внутренним стержнем большого месторазвития России-Евразии, делая его, таким образом, монолитным и неподверженным трансформирующим воздействиям извне. Кроме того, важным продолжением существования идеократического «стержня» является гармоничное взаимное религиозное обогащение православия и ислама. В. Попов утверждает, что «и православное христианство, и ислам, несмотря на их явную доктринально догматическую несовместимость, благодаря общим чертам религиозной психологии евразийских народов и в результате исторического укоренения на пространстве России-Евразии, приобрели сходные социокультурные черты» [16. — С. 162–163]. Тем не менее уместно говорить, что следует разрабатывать соответствующие механизмы мирного взаимодействия религиозных течений, поскольку, несмотря на сходство, они являются разными по «духу», быту и практической социальной реализации. Кроме того, следует отметить, что классическое евразийство не ограничивается работами ранее проанализированных авторов. Для более углубленного понимания сути евразийского течения можно обратиться к трудам данных авторов: Г.В. Вернадского [4. — С. 82–83], Р.О. Якобсона [26], П.П. Сувчинского

[21]. Трудно переоценить количество приверженцев данного общественно-политического течения, что говорит о его популярности и актуальности для своего времени.

Как итог, по мнению автора, ключевыми идейными постулатами классического евразийства (в срезе международной политики) являются:

- срединное историко-географическое и социокультурное положение России-Евразии (со всеми соответствующими технологическими и логистическими изменениями);
- существование идеально-духовного «стержня», базирующегося на диалоге культур и взаимном религиозном обогащении;
- континенталистское геополитическое мышление (по терминологии К. Шмитта).

Постсоветское неоевразийство 1990–2000-х годов

Неоевразийское общественно-политическое течение через своих представителей стало логико-исторической фазой эволюции евразийства 1920–1930-х годов. Если мы обратимся к социально-историческому контексту этих направлений, то увидим, что они оба возникают в периоды «коренной ломки» государственной системы России. Евразийство стало реакцией на Первую мировую войну и Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года. Неоевразийство актуализировалось после распада СССР и Организации Варшавского договора (ОВД) и перехода нашей страны на либерально-демократические основы построения общества. В те годы неоевразийство соседствовало с либерально-западническим течением. «Либеральные западники (А. Козырев [8], Е.Т. Гайдар [3], Д. Тренин [22]) возвратили и осветили тему естественного «родства» их страны (России) с Западом, основанного на таких разделяемых всеми ценностях,

как демократия, права человека и рыночная экономика» [28. — Р. 767]. Однако в противостоянии данному направлению постсоветское неоевразийство оформлялось как течение и обогащалось за счет притока новых авторов: В. Лукина [27], С. Станкевича [ibid], Г. Павловского [28, р. 768]). Кроме того, достаточно популярной сегодня является неоевразийская теория российского политолога А.Г. Дугина.

При анализе базовых взглядов А.Г. Дугина мы должны сказать, что он защищал постоянное наращивание сил для территориальной экспансии как единственно правильный вариант борьбы. В геополитическом конфликте с «торговой цивилизацией» США А.Г. Дугин выступал за создание широкой геополитической оси союзников: Германии, Ирана, Японии — с целью противостояния Атлантистскому влиянию [6]. На практике частичная реализация этих представлений заметна в сближении внешнеполитических позиций России и Ирана, например, по вопросу конфликта в Сирии (Астанинский формат между РФ, Ираном и Турцией). Политолог выделяет четыре международно-политических полюса силы: Североамериканский, Евразийский (Российский), Китайский и Евросоюз. По мнению политолога, в Евразийском полюсе «Россия рассматривается здесь не как страна, а как цивилизация, евразийская интеграция предполагает вовлечение других государств в большое пространство. Сегодня это и происходит, Россия переходит в состояние цивилизационного полюса как православная цивилизация с традиционными ценностями, суверенитетом, интегрирующая другие страны» [5]. Таким образом, между культурно-духовным понятием «цивилизация» и «властным» понятием «геополитика» в неоевразийстве, в отличие от мнений классиков евразийской мысли, акценты смещены в сторону геополитики.

Но «Евразия» А.Г. Дугина не является четко обозначенным геополитическим объектом и поэтому не дает полноценного понимания ее концептуальных основ. Немецкий политолог, исследователь русского ультрационализма А. Умланд заявляет, что «дугинская “Евразия” может включать в себя самые разные территории за пределами бывших царской и советской империй: например, центральную и континентальную Западную Европу, различные азиатские страны или даже совершенно другие части мира, если только они решатся придерживаться — в дугинском понимании этих расплывчатых понятий — “теллурократических” или “интегрально-традиционалистских” ценностей» [24]. В практике международных отношений мы констатируем, что полноценная реализация представлений политолога невозможна, в силу сложной культурной специфики Евразии.

Немаловажной фигурой в «неоевразийском цехе» следует считать русского философа А.С. Панарина. Во-первых, его позиция заключается в «новом синтезе формационной и цивилизационной парадигм, прорыве в будущее не на основе культурного разоружения и обезличивания, а с сохранением культурно-цивилизационного многообразия человечества» [14. — С. 204]. В современных условиях сохранение собственной идентичности возможно в рамках диалога культур, который, с одной стороны, уменьшает риск возникновения каких-либо конфликтов между государствами, с другой стороны, улучшает в перспективе обмен опытом и сотрудничество в стратегических сферах. На практике мы можем это увидеть через деятельность Россотрудничества сегодня: расширение сети «русских домов», которые знакомят представителей других культур с отечественным наследием России [31]. Хотя, конечно, стоит оговорить, что еще требуют доработки направления и

формы деятельности российских общественных организаций для эффективного направления своей «мягкой силы» в социокультурном аспекте.

Во-вторых, «будучи отличной от Запада и сознающей свое отличие, она [российская цивилизация], тем не менее, никогда не обнаруживала склонности ни к сепаратному обустройству, ни к тому, чтобы свалить с себя ответственность за судьбы мира» [15. — С. 56]. Таким образом, А.С. Панарин, подтвердив тезис классических евразийцев об уникальности географического положения, заключает, что Россия играет определяющую роль в евразийском регионе, поскольку ее географические границы де-факто совпадают с границами Евразии. Какие-либо попытки пересмотра данной формулы влекут за собой «изоляционный сепаратизм» и отказ от своего геостратегического положения в регионе. В то же время уместно подчеркнуть, что, в отличие от тех же классиков эмигрантского евразийства, А.С. Панарин не отказывался окончательно от взаимовыгодного сотрудничества с Западом.

В-третьих, А.С. Панарин предложил «оценить цивилизационный потенциал России, коренящийся, в частности, в ее православном архетипе» [14. — С. 205]. Философ рассматривает существование современной российской цивилизации с точки зрения сохранения ее исконных культурных основ, то есть, если говорить современным языком, о «мессианском» статусе России, который оспаривается на международной арене со стороны других участников (Атлантистских государств) и выкристаллизовывается из глубины российского народа. Именно здесь не последнюю роль занимают и православие (через деятельность Русской православной церкви), и мусульманство (религиозное паломничество по святым местам ислама), и другие конфессии и течения. Кроме того, А.С. Панарин отвергал различные «этноцентричные духовные

системы» как опоры современной государственной политики, потому что тогда «люди другого этноса или другого государства при этом чувствовали бы себя изгоями» [15. — С. 150]. Таким образом, мы можем понять, что российский философ связывал ядро цивилизации с мировыми религиями, а не с ориентацией на доминирующий по каким-либо характеристикам этнос. Фетишизация этноса и этноцентризма чревата ослаблением внимания к остальным элементам социально-политического порядка в государстве (духовность, экономические возможности, политические традиции организации).

По мнению автора статьи, нельзя в полной мере согласиться с мнением А.С. Панарина. Во-первых, с учетом того, что его работы были написаны в 1990-е — начале 2000-х годов, приоритеты и инструменты внешнеполитического поведения России изменились. Во-вторых, православный архетип или православие как один из структурных элементов российской государственности не могут рассматриваться как фундаментальная основа, так как в этом случае девальвируются две основы конституционного строя РФ: светский характер нашей страны и многонациональность российского народа. В-третьих, теоретические наработки А.С. Панарина имеют тенденцию к сложности практической реализации. Происходит качественная диагностика проблем нашего государства без предложения пошагового алгоритма их разрешения.

Еще один политолог-неоевразиец, который предлагал свой вариант «перестройки» современной России, — это В.Л. Цымбурский. Он выступал за качественно новое переосмысление геополитической реальности, существовавшей вокруг нашего государства, посредством определения специфического паттерна идентичности. Описывая российскую цивилизацию через категорию «острова», окруженного поясом культурно чуждых государств

постсоветского пространства (Великий Лимитроф), В.Л. Цымбурский, по нашему мнению, хотел сделать акцент на развитии национального пространства России и ее отдельных неразвитых территорий. «Откат России с ее параевропейских и параазиатских пределов, “отход на остров”, должен способствовать регионализации и выдвиганию на первый план проблем внутренней геополитики, особенно относящихся к трудным пространствам Новой России за Уралом» [9. — С. 30]. Несмотря на оригинальный геополитический взгляд, позиция политолога не была обойдена критикой некоторых исследователей: например, А.С. Панарин характеризовал «Остров России» как «сочетание заемного “разумного эгоизма” с языческим натурализмом» [9. — С. 30].

Таким образом, если сводить воедино идейный «образ» неоевразийства, России присущи следующие черты:

- она представляется евразийским социокультурным полюсом, привлекающим остальные государства к цивилизационному противостоянию Атлантизму Запада;
- реализация попыток отказа от части международных обязательств «чести и долга» перед некоторыми постсоветскими государствами, приобретшими независимый статус;
- трансформация роли религиозной духовности, закрепляющей «мессианский» авторитет России при разрешении определенных международно-политических вопросов.

Евразийская «сущность» в стратегических документах РФ

Применительно к базовым стратегическим документам внешнеполитического поведения РФ мы должны говорить о нескольких зафиксированных в них принципах. Если рассматривать Концепцию внешней политики, то авторами отмечается «значение

религиозного фактора в формировании системы современных международных отношений, в частности их нравственного основания. Эту задачу невозможно решить без обращения к общему нравственному знаменателю, всегда существовавшему у основных мировых религий» [17]. Таким образом, используется одно из положений евразийства, трансформированное во внешний фактор, влияющий на поведение России на международной арене. Сегодня это проявляется, например, в поиске правильного и скоординированного отношения руководства РФ и других государств Евразии к пришедшему к власти в Афганистане движению «Талибан» (запрещено в России) и восстановлению там теократического эмирата в качестве формы правления.

Другим положением евразийства является «развитие региональной и субрегиональной интеграции на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ), в Евро-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанском регионах, Африке и Латинской Америке» [17]. Кроме того, делается ремарка, что евро-атлантические интеграционные объединения имеют «особый» подход к принятию в свой состав новых членов и игнорируют основы международного права (своеобразный «кодекс чести» государств). Сегодня основополагающими группировками, в которых активна Россия, являются ЕАЭС, ШОС, БРИКС, ОДКБ. Сюда присоединяются объединения с «азиатским акцентом»: АТЭС, ОПЕК (в качестве участника соглашения ОПЕК+), ВЭФ.

Что касается Стратегии национальной безопасности РФ, обновленной в июле 2021 года, то авторы документа «по-евразийски» отмечают проблему критики традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, которые «подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также

со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций» [18]. Сегодня «на страже» универсалистских (вестернизированных) ценностей стоит группа цифровых гигантов Big Tech (термин Э. Шмидта): Google, Microsoft, Facebook, Amazon. Через регулирование контента они влияют на социально-эмоциональный порядок в обществе, и государства уже начинают сталкиваться с их интересами в рамках различных ситуаций [29]. Последнее евразийское положение в Стратегии, которое мы отметим, — это «углубление сотрудничества с государствами — участниками СНГ <...> в первую очередь Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, Союзного государства» [18]. Это положение несколько изменилось по сравнению с формулировкой Концепции, но тем не менее оно также носит евразийский характер. Попыткой его практической

реализации частично является недавнее одобрение всех 28 союзных программ интеграции России и Белоруссии: от сферы макроэкономической политики до регулирования вопросов таможенного и налогового законодательства [30].

Заключение

Данные примеры подтверждают, что положения евразийских концепций (как основы идеи России — самобытной цивилизации) эффективно применяются во внешней политике РФ: они задействованы в отображении борьбы ценностей и идентичностей, экономических интеграционных процессов и сохранении социокультурного потенциала России. Эти области являются одними из стратегических полей конфликтов нашего государства с оппонентами на международной арене, поскольку победа в них является залогом сохранения собственного места в мировой истории.

Литература

1. Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. — № 1. — 1925. — С. 134–138. — URL: http://www.odinblago.ru/path/1/9_2 (дата обращения: 25.01.2022).
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. — М.: Путь, 1911. — 280 с.
3. Гайдар Е.Т. Государство и Эволюция. — М.: Евразия, 1997. — 206 с.
4. Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / ред. Л.П. Репина, В.И. Уколова; Институт всеобщей истории РАН. — Вып. 9. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 380 с.
5. Дугин А.Г. Александр Дугин: Горизонты многополярного мира // Изборский клуб. — 18.02.2020. — URL: <https://izborsk-club.ru/18820> (дата обращения: 26.01.2022).
6. Дугин А.Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1997. — 599 с.
7. Ильин И.А. О монархии и республике / Ред., предисл. и прил. Н.П. Полторацкого. — Нью-Йорк: Содружество, 1979. — 329 с.
8. Козырев А.В. Преображение. — М.: Международные отношения, 1995. — 333 с.
9. Конъюнктуры Земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. — М.: Европа, 2011. — 370 с.
10. Люкс Л. Краткие заметки к дискуссии о «неоевразийстве» Александра Дугина и о «классическом» евразийстве // Вопросы философии. — 2000. — № 5. — URL: https://istorex.ru/page/lyuks_l_kratkie_zametki_k_diskussii_o_neoevraziystve_aleksandra_dugina_i_o_klassicheskom_evraziystve_na_sayte_gefterru (дата обращения: 28.01.2022).
11. Маслин М.А. Евразийство как пореволюционное идейное течение // Историко-философский ежегодник. — 2011. — С. 362–380.
12. Маслин М.А. Классическое евразийство и его современные трансформации // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. — № 4. — М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2015. — 232 с.

13. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры // Соч. в 3 т. — М.: Прогресс, 1993–1994. — 491 с.
14. Панарин А.С. Атлантизм и евразийство: два сценария для России // Россия: опыт национально-государственной идеологии. — М., 1994. — 262 с.
15. Панарин А.С. Православная цивилизация. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1248 с.
16. Попов В. Евразийская сущность Российской цивилизации // Религия и общество на Востоке. — Вып. III. — 2019. — С. 154–191.
17. Российская Федерация. Законы. Концепция внешней политики РФ: Указ Президента РФ: подписан Президентом РФ 30 ноября 2016 г. // Информационно-правовой портал Гарант.ру. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/#1000> (дата обращения: 27.01.2022).
18. Российская Федерация. Законы. Стратегия национальной безопасности РФ: Указ Президента РФ: подписан Президентом РФ 2 июля 2021 г. // Официальный сетевой ресурс Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 01.01.2022).
19. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрения. — URL: <http://www.kulichki.com/~gumilev/SPN/spn05.htm> (дата обращения: 02.01.2022).
20. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Континент Евразия / сост., послесл., примеч. А.Г. Дугина. — М.: Аграф, 1997. — 461 с. (Новая история). — URL: <https://history.wikireading.ru/153908> (дата обращения 03.01.2022).
21. Сувчинский П.П. Рах Eurasiana // Евразия. — 1929. — № 10. — С. 2–11.
22. Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». — М.: Московский Центр Карнеги, 2006. — 404 с.
23. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрения. — URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns16.htm> (дата обращения: 02.02.2022).
24. Умланд А. «Евразийские» проекты Путина и Дугина — сходства и различия // ИноСМИ. — 22.06.2012. — URL: <https://inosmi.ru/politic/20120622/193954633.html> (дата обращения: 29.01.2022).
25. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. Политические исследования. — 1993. — № 5. — С. 6–53.
26. Якобсон Р.О. О фонологических языковых союзах // Евразия в свете языкознания. — 1931. — С. 7–12.
27. Rethinking Russia's National Interests / S. Sestanovich. — Washington DC: Center for Strategic and International Studies, 1994. — 115 p.
28. Tsygankov A.P. Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates // International Studies Review. — 2008. — № 10. — P. 762–775.
29. Роскомнадзор поставил ультиматум Twitter, Facebook и Google // Информационное агентство URA.RU. — URL: <https://ura.news/news/1052480261> (дата обращения: 25.01.2022).
30. Власти впервые раскрыли 28 пунктов соглашения об интеграции с Белоруссией // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/09/2021/613b36b99a794750b47b04a3> (дата обращения: 01.02.2022).
31. Россотрудничество готовится открыть 20 «русских домов» в некоторых странах // ТАСС. — 4.09.2021. — URL: <https://tass.ru/politika/12302683> (дата обращения: 08.02.2022).